

УДК 821(4).09

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АВТОРА В ЭПИСТОЛЯРНОЙ ПРОЗЕ Э.-Э. ШМИТТА

О.О. ЛЕНЬКОВА

(Белорусский государственный университет, Минск)

Исследованы особенности авторской репрезентации и нарративной организации в эпистолярной прозе современного французского писателя Эрика-Эмманюэля Шмитта, чьи произведения хорошо известны русскоязычному читателю. Материалом для исследования послужили такие художественные эпистолярные тексты, как «Oscar et la Dame Rose («Оскар и Розовая Дама», 2002)», «Ma vie avec Mozart («Моя жизнь с Моцартом», 2005)», «L'Évangile selon Pilate» («Евангелие от Пилата», 2000). Эпистолярная форма обладает особым потенциалом в плане репрезентации автора, что определяет усиление субъективного начала в тексте, личностно ориентированный подход при подаче информации, установку на достоверность излагаемого. В данной работе рассматриваются формы повествования, средства самономинации, лексические единицы, синтаксические особенности и стилистические приемы, выражающие авторскую позицию в эпистолярных текстах Э.-Э. Шмитта.

Введение. Интерес к способам и формам репрезентации автора и его взглядов в художественном тексте наблюдается с середины XIX века, когда усложняется субъектная организация повествования, возрастает роль автора, появляются различные формы субъектов речевой деятельности: автор-повествователь, рассказчик, персонаж, хроникер и пр. В современном литературоведении имеет место повышение интереса к этому вопросу, поскольку поиск ответа на него предполагает осуществление целостного анализа произведения и его встраивания в контекст всего творчества автора. В данной работе объектом исследования будет эпистолярная проза современного французского писателя Э.-Э. Шмитта, предметом исследования – специфика нарративной организации и репрезентации автора в его произведениях.

Репрезентация – термин, пришедший из психологии и отображающий внутренний мир человека через знаковую систему, фиксацию переживаний и впечатлений. Репрезентация отличается от собственно презентации, когда опубликование самого себя заранее ориентировано на социальность, публичность высказывания. Проблема репрезентации автора в художественном произведении, поднимаемая в работах В.В. Виноградова, М.М. Бахтина, Л.Я. Гинзбург, Б.О. Кормана и других, достаточно исследована, однако не исчерпана. В современной науке она остается в фокусе нарратологии, где особое внимание уделяется соотношению текстов рассказчика, нарратолога и персонажа. Несмотря на различие точек зрения и концепций, литературоведы сходятся в том, что так называемый «образ автора» есть не что иное, как центр художественного целого, воплощение духовного мира писателя [1].

Поскольку в данной работе мы рассматриваем именно прозу, нас особенно интересует репрезентация автора в эпическом произведении. Последнее требует от писателя изображения событий реальной действительности, построения цельного мира с живущими в нем героями. Создатель текста является в этом мире активной движущей силой.

Внутренняя логика произведения – явление весьма спорное, так как все события и поступки героев так или иначе подчинены автору. Имея в виду эту особенность авторской репрезентации в эпическом тексте, Б.О. Корман разработал субъектную и внесубъектную форму ее выражения. Литературовед классифицирует субъекты речевой деятельности следующим образом: повествователь, личный повествователь, рассказчик. Наиболее близок к автору повествователь, однако позиция первого все равно, по мнению Б.О. Кормана, будет богаче позиции повествователя, так как выражена не отдельным субъектом речи, а всей субъектной организацией произведения. Внесубъектная форма авторской репрезентации включает развитие действия, сюжетно-композиционную организацию повествования [2, с. 121].

Основная часть. Формы авторской репрезентации могут рассматриваться на разных уровнях художественного произведения: это, например, проявление авторского «я» на уровне организации образной системы, художественная деталь как средство выражения авторской позиции, а также выражение авторской позиции на повествовательном уровне. Именно на последнем аспекте мы остановимся в рамках данного исследования. Оговоримся, однако, что любая форма репрезентации выражает лишь известную грань авторского отношения к действительности, воплощенной в форме и содержании. Поэтому целостное представление об авторе можно составить лишь из совокупности всех способов выражения авторской позиции, их комбинации и синтезе.

Следует отметить, что тексты различной жанрово-стилевой принадлежности открывают перед авторами неодинаковые возможности в плане собственной репрезентации. Жанры эпистолярной прозы в этом аспекте имеют глубокий внутренний потенциал, так как благодаря письму как формообразующему компоненту наделены определенными свойствами. Для произведений, написанных в эпистолярной форме, характерны «разная степень субъективации повествования, личностно ориентированный способ по-

дачи информации, установка автора на истинность излагаемого материала и заинтересованность в нем, индивидуальный стиль письма, возможность обсуждения разнообразных тем и выражения собственных оценок» [3]. Письма способны в полной мере раскрыть особенности концептуальной и языковой картины мира личности, стоящей за текстом.

Письмо как формообразующий элемент в составе художественного целого стимулирует развитие личности пишущего героя, способствуя его самопознанию, переживанию собственной уникальности, структурированию своего «я». Как специфический вид коммуникации письмо имеет целью внесение в текст взаимодействие автора с адресатом, которое подобно диалогу. Таким образом, здесь письмо – это не только способ выражения личности пишущего, но и стимул к ее изменению. Благодаря такому внутреннему самовыражению можно наблюдать «полифонию сознания» (М.М. Бахтин). Посредством письма пишущий субъект может не только обобщать важные для него события, но и размышлять над ними, переживать повторно, что ведет к более глубокому пониманию внутриличностных процессов. Именно через рассказ об историях, перипетиях и ситуациях, пережитых человеком, у адресанта появляется представление о себе как об уникальной личности.

Прежде чем характеризовать художественно-повествовательную систему произведений Э.-Э. Шмитта в целом, отметим, что все они подчинены установке автора на синтез традиций и новаторства. Будучи преемником философских концепций, появившихся в эпоху Просвещения, французский писатель стремится органично соединить наследие прошлого и достижения современности. Выбор в пользу эпистолярной формы, востребованной во времена просветителей, сделан не случайно: отдавая дань уважения писателям XVIII века, Э.-Э. Шмитт одновременно адаптирует эпистолярный жанр к требованиям литературного постмодернизма. Диалог идей и философских мыслей, поиск истины через вопрос-ответные отношения – такова цель французского мастера слова.

Эпистолярная форма обладает особой повествовательной организацией, которая, разумеется, находит свое отражение в художественных произведениях, созданных в форме писем. Характерные черты последней приводят к тому, что автор, репрезентируя себя в таких текстах, основывается на выборе определенных приемов и языковых средств. Проанализировав произведения Э.-Э. Шмитта, созданные в форме переписки, мы определили следующие особенности организации эпистолярных текстов и репрезентации автора в них.

Основной формой саморепрезентации в письмах является традиционное повествование от первого лица. Во всех эпистолярных произведениях Э.-Э. Шмитта мы наблюдаем именно такую организацию текста. В романе «Моя жизнь с Моцартом» – от лица безымянного рассказчика: «Дорогой Моцарт, я признаю, что не писал тебе в последние несколько лет» [4, с. 23] (*здесь и далее переведено нами – О. Л.*). В «Оскаре...» – от лица мальчика: «Ну вот, Бог, это мое первое письмо к тебе. Я немножко рассказал, какую жизнь веду здесь, в больнице, где меня рассматривают как помеху медицине» [5, с. 10]. В «Евангелии от Пилата» – от пишущего письма Пилата: «Я не писал тебе целых три дня, поскольку не мог ни на мгновение ослабить бдительность» [6, с. 158]. Функцию указания на субъект речи выполняют и другие формы: возвратное местоимение «себя», притяжательные прилагательные. «Спасибо, что отправил мне *мой* портрет. К несчастью, я *себя* узнал» (*здесь и далее курсив наш – О. Л.*) [4, с. 28], «Я расстался с ним и вернулся к *себе* во дворец» [6, с. 172], «Я попытался объяснить *своим* родителям, что жизнь – забавный подарок» [5, с. 30].

Важнейшим средством авторской саморепрезентации выступает имя существительное, называющее автора. Еще одна функция самономинирования через использование имени собственного в подписи – создание очень важного для эпистолярной формы фона, нужной тональности сообщения. В романе «Моя жизнь с Моцартом» Э.-Э. Шмитта герой-рассказчик не подписывает свои письма, вставляя сведения о себе лишь в самом тексте письма: «*Парнишка*, я мог мечтать о тысячах судеб – летчика, полицейского, фокусника», «*Мне 18 лет*, но я понимаю не больше, чем твой Керубино, которому меньше лет, чем мне» [4, с. 37].

В романе «Евангелие от Пилата» в первых письмах героя его самономинация сводится к занимаемой им должности, к выполняемым в государстве функциям: «Мое назначение на пост *прокуратора Иудеи* больше похоже на почетную ссылку» [6, с. 184]. Однако с развитием действия и в связи с изменением взглядов Пилата меняется и его самоопределение в посланиях: «*Твой брат* вновь стал твоим братом, логика победила. Мой разум в порядке», «*странник* среди других странников», «Я – *новое существо*, но уже испытываю тоску по миру, который знал ранее» [6, с. 201].

В эпистолярной повести «Оскар и Розовая Дама» заметно, как различается отношение мальчика к самому себе и к переписке с Богом в зависимости от его настроения: «Меня прозвали *Яичная Башка*, на вид мне лет семь, я живу в больнице, потому что у меня рак, я никогда не обращался к тебе ни с единым словом, потому что вообще не верю, что ты существуешь», «Меня зовут *Оскар*. Мне десять лет, я умудрился поджечь нашего кота, собаку и весь дом (кажется, даже поджарил золотых рыбок), и я пишу тебе в первый раз, потому что прежде мне было совершенно некогда из-за школы» [5, с. 4].

Среди лексических средств, работающих на репрезентацию авторской позиции в произведении и влияющих на его нарративную организацию, можно выделить следующие: лексемы с эмоциональной коннотацией *agréable* (приятный), *aimable* (дружелюбный); лексемы с семантикой звуков *déclamer* (дек-

ламирывать), *chuchoter*, *murmurer* (шептать), *mélodie (f)* (мелодия), *vibration (f) musicale* (музыкальная вибрация), *mélodieux* (мелодичный) [4, с. 15, 47, 59]. Такие средства характерны для романа «Моя жизнь с Моцартом», где повествование ведется вокруг музыкальных произведений, а одна из целей писателя – показать всепобеждающую силу музыки великого композитора. В романе «Евангелие от Пилата» можно обнаружить лексемы семантического поля борьбы: *crucifier* (распять), *blessé* (ранен), *battre avec des pierres* (бить камнями), *verser du plomb fondu dans le gosier* (заливать расплавленный свинец в глотку), *de longs tourments (m)* (долгие муки), *mis en fureur* (разъярен), *ennemi (m)* (враг) [6, с. 146, 182, 198], что усиливает восприятие читателем той внутренней битвы, которую ведет сам Пилат в попытках найти путь к Богу и вере. В повести «Оскар и Розовая Дама» присутствуют лексемы с семантикой различных физических ощущений и недугов: *ça fait mal* (больно), *moelle (f)* (костный мозг), *des médicaments (m)* (лекарства), *des opération (f)* (операции), *contagieux* (заразны) [7, с. 15, 29, 40], однако по мере обретения ребенком веры в Бога это семантическое поле сменяется другим – в тексте все чаще появляются лексемы, свидетельствующие об умиротворении героя: *contempler la lumière* (созерцать свет), *les couleurs (f) du jour* (краски дня), *entendre des voix (f)* (слышать голоса), *tremblement (m) de la joie (f)* (дрожь радости), *bonheur (m) d'exister* (счастье бытия) [7, с. 56, 62, 70].

На синтаксическом уровне мы отметим параллелизмы, риторические вопросы, что особенно характерно для романа «Моя жизнь с Моцартом»: «Pourquoi est-ce qu'on souffre à 15 ans? Pourquoi apprécier alors notre vie? Pourquoi faut-il la garder?» [4, с. 28] («Отчего страдают в 15 лет? За что ценить эту жизнь? Зачем ее сохранять?»). В этом произведении также можно обнаружить большое количество вопросно-ответных конструкций: «La quotidienneté était hors de sa réalité, j'apercevais seulement des ombres. La chair? L'illusion... Un sourire des dents blanches? Dans le futur ce n'est que poussière... Mes amis bavards? Des cadavres» («Повседневность была вне ее реальности, я замечал только тени. Плоть? Иллюзия. Белозубая улыбка? В будущем – только пыль... Мои шумные товарищи? Трупы»), «Est-ce que je t'ai oublié? Presque oui» («Забыл ли я тебя? Почти») [4, с. 52, 48]. Для другого произведения, «Евангелие от Пилата», наиболее характерен так называемый автодиалог: «Où vont-ils? Ils ne savent pas eux-mêmes. Est-ce qu'on les a appelés? Personne n'a été invité personnellement» [8, с. 155] («Куда они идут? Они сами точно не знают. Их кто-то позвал? Никого не приглашали лично») [6, с. 167].

Стилистические приемы играют важнейшую роль в саморепрезентации автора. Отметим среди них такие, как образные сравнения, присутствующие в повести «Оскар и Розовая Дама»: «Peggy Blue, c'est l'enfant bleue. Elle habite l'avant-dernière chambre au fond du couloir. Elle sourit gentiment, mais elle ne parle presque pas. On dirait une fée qui se repose un moment à l'hôpital», «Je la trouve très belle en bleu, Peggy Blue. Il y a plein de lumière et de silence autour d'elle, on a l'impression de rentrer dans une chapelle quand on s'approche» [7, с. 33] («Пегги Блю, голубая девочка. Она лежит в предпоследней палате. Почти ничего не говорит, только смущенно улыбается. Будто фея, которая вдруг очутилась в больнице», «Пегги Блю тоже очень красивая. Вокруг нее столько света и тишины... Стоит подойти, и будто попадаешь под своды церкви») [5, с. 48]. В этом произведении можно обнаружить также такие интересные авторские приемы, как метафорическое переосмысление: «Ce soir je me suis pardonné d'être un homme», [7, с. 40] («Сегодня вечером я себя простил за то, что я человек») [5, с. 58]; усиление смысла: «Je suis paresseux, si paresseux» [7, с. 31] («Я лентяй, такой лентяй») [5, с. 42], антитезу: «La vie me fait devenir plus rude: d'une part elle me gâte, d'autre part elle me gifle» [7, с. 28] («Жизнь заставляет меня становиться грубее: с одной стороны, она меня балует, с другой – дает пощечину») [5, с. 39].

Стиль произведения как способ саморепрезентации весьма показателен. Отличительные черты стиля Э.-Э. Шмитта – тонкий юмор, легкая ирония, которая позволяет автору говорить о серьезных, порой болезненных для общества темах без страха быть обвиненным в цинизме. Лиризм, почти забытый современниками автора с приходом депримиума во французскую литературу, в прозе Э.-Э. Шмитта говорит об оптимистическом пафосе писателя, установке на позитивное мышление и всепобеждающую силу надежды.

Переходя к способам авторской репрезентации в художественном тексте, в первую очередь отметим, что они чаще всего одинаковы как в эпистолярных произведениях, так и в текстах с традиционным линейным повествованием (особенно таких, как автобиография, мемуары и дневники). Базируясь на разработанной Е.Г. Хомчак и другими российскими литературоведами классификации, к способам авторской репрезентации мы будем относить в первую очередь подбор событий и их композиционную организацию в тексте. Здесь имеется в виду селекция жизненного материала и его осмысление через призму авторской мысли [9]. К примеру, в романе «Моя жизнь с Моцартом» изложены события, подчиненные логике становления рассказчика как личности под воздействием музыкальных произведений Моцарта: первая встреча с композитором – отрочество, вторая встреча – совершеннолетие, третья – двадцать лет, далее – тридцать, зрелый возраст, потеря близкого человека, воспоминания о детстве, сорокапятiletие как своеобразная отметка половины жизни. В повести «Оскар и Розовая Дама» автор, имитируя детское сознание своего пишущего героя, фиксирует лишь те события, которые были наиболее важны для последнего на протяжении последних десяти дней жизни.

Система персонажей, изменения характера и взглядов героев также могут быть способами авторской репрезентации. Эволюция Пилата от скептически настроенного прокуратора к христианину дает возможность провести аналогию с прохождением подобного пути к вере каждым человеком, первоначально скептически настроенным по отношению ко всему сакральному и не постижимому разумом. В целом для Э.-Э. Шмитта сам процесс изменения героя чрезвычайно важен: будь то путь от отчаяния и нежелания жить к полному принятию бытия, а порой и к гедонизму; будь то дорога от желания уйти в себя и исчезнуть под пеленой собственной грусти до постижения сакрального.

Разумеется, название произведения также служит способом авторской репрезентации. В заглавии «Моя жизнь с Моцартом» писатель будто бы не допускает возможности отделения автора произведения от рассказчика, с самого начала настраивая читателя на знакомство с его, шмиттовской, жизнью. В самом названии книги «Евангелие от Пилата» французский писатель уже заявляет, что он предложит свою, альтернативную, точку зрения на древнейшие события. Повесть «Оскар и Розовая Дама», в которой, по сути, ведется рассказ о преодолении главным героем атеизма, автор, желая избежать религиозного пафоса, называет книгу именами двух главных героев, вводя даже в заглавие элемент сказки: Розовая Дама представляется существом волшебным.

Заключение. Подводя итог вышесказанному, отметим, что формы выражения авторской позиции в произведениях Э.-Э. Шмитта тесно связаны с мировоззрением самого автора. Способы авторской репрезентации во всех рассмотренных текстах свидетельствуют о единстве художественной системы писателя, его намерений, раскрываемых посредством диалога с читателем. Присутствие автора в произведениях выражено через особую модель действительности, которая выстроена вокруг пишущего персонажа. Способы выражения авторской позиции проявляются на всех уровнях художественно-повествовательной структуры произведений Э.-Э. Шмитта. Эпистолярная форма предоставляет автору дополнительные возможности для художественного воплощения концептуально-языковой картины, стоящей за текстом личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вафина, А.Х. Формы выражения авторского сознания в автобиографической прозе Андрея Белого: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А.Х. Вафина; Казан. (Приволж.) федер. ун-т [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/formy-vyrazhenija-avtorskogo-soznaniya-v-avtobiograficheskoj-proze-andreja-belogo.html>. – Дата доступа: 12.05.2014.
2. Корман, Б.О. О целостности литературного произведения / Б.О. Корман // Избр. труды по теории и истории литературы / Б.О. Корман. – Ижевск: изд-во Удм. ун-та, 1992. – С. 119–128.
3. Курьянович, А.В. Когнитивная сущность речевого жанра саморепрезентация в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой / А.В. Курьянович [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-suschnost-rechevogo-zhanra-samoprezentatsiya-v-epistoljarnom-diskurse-m-i-tsvetaevoy>. – Дата доступа: 20.02.2014.
4. Schmitt, E.-E. Ma vie avec Mozart / E.-E. Schmitt. – Paris: Albin Michel, 2005 – 165 p.
5. Шмит, Э.-Э. Оскар и Розовая Дама / Э.-Э. Шмитт; пер. Г.В. Соловьева. – М.: Азбука, 2005. – 272 с.
6. Шмит, Э.-Э. Евангелие от Пилата / Э.-Э. Шмитт; пер. А.М. Григорьев. – М.: Азбука, 2009. – 256 с.
7. Schmitt, E.-E. Oscar et la Dame Rose / E.-E. Schmitt. – Paris: Albin Michel, 2002. – 108 p.
8. Schmitt, E.-E. L'Évangile selon Pilate. – P.: Albin Michel, 2005. – 378 p.
9. Хомчак, Е.Г. Формы выражения авторской позиции в эпическом произведении / Е.Г. Хомчак [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/SND/Philologia/9_homchak.doc.htm. – Дата доступа: 01.02.2014.

Поступила 19.06.2014

REPRESENTATION OF THE AUTHOR IN THE ERIC-EMMANUEL SCHMITT'S EPISTOLARY PROSE

V. LENKOVA

In the article are researching the features of the author representation and narrative organization in the epistolary prose of E.-E. Schmitt, modern French writer, whose novels are well-known to Russian-speaking readers. The material of the research includes such epistolary texts as "Oscar et la Dame Rose" ("Oscar and the Lady in Pink", 2002), "Ma vie avec Mozart" ("My life with Mozart", 2005), "L'Évangile selon Pilate" ("The Gospel According to Pilate", 2000). Epistolary form has got its specific potential in the domain of the author representation, that determines the reinforcement of the subjective side in the text, the personal-oriented approach in the giving of the information, the purpose to the authenticity of expressing. In this work we research the narrative form, modes of autonomization, lexical units, syntactical specifications and stylistic instruments, that facilitate the expression of the author's position in E.-E. Schmitt's epistolary texts.